

В 1907 году Собрания по инициативе Мережковского и его друзей было возрождено как Религиозно-философское общество. Многолюдное, весьма отличавшееся от прежнего, полуподпольного, оно «было одно из обыкновенных интеллигентских обществ, повсюду возникавших в ту пору» и к 1909 году превратилось, скорее, в литературно-публицистический кружок. Публика, собиравшаяся слушать о религии, вместо этого присутствовала при сведении литературных счетов. Это вызвало протест в печати старых участников собраний — Н.А. Бердяева, Б.П. Струве, В.В. Розанова, С.Л. Франка, В.А. Тернавцева, П.П. Перцова. Разрыву их с Мережковскими сопутствовал конфликт, связанный с выходом сборника «Вехи», критикой его Мережковским и статьей Розанова «Трагическое остроумие».

Многие идеи «нового религиозного сознания», призванные преодолеть пропасть «между духом и плотью», (например, введение нового церковного таинства первой брачной ночи) для церкви были неприемлемы. Вместе с тем, мысль о необходимости обновления христианства обрела многих сторонников среди светской интеллигенции. Идеи, высказывавшиеся на Религиозно-философских собраниях, возымели такой резонанс, что даже в марксистской среде появились «богоискатели» и «богостроители» (которых впоследствии критиковал В. И. Ленин).

Впоследствии отмечалось, что Собрания, изначально призванные оживить религиозную мысль в России, имели большое историческое значение: они знаменовали собой «первый в русской истории послепетровской эпохи опыт неформальной встречи светской богоискательской интеллигенции и представителей официальной Русской Церкви». Принято считать, что всё движение русской религиозной мысли так или иначе вышло из этих собраний.

THE HISTORY OF THE FORMATION OF RELIGIOUS-PHILOSOPHICAL MEETINGS IN RUSSIA IN THE EARLY XX CENTURY

E.A. Safronov

Belgorod State University

The work was first analyzes the religious-philosophical assemblies of the early twentieth century, their nature and purpose, as well as analyzed the meeting in the eyes of his contemporaries. The practical significance due to the reflection of this topic in the school program.

Key words: Russia, early xx century, meetings, religious-philosophical.

«РУССКИМ ДРУЗЬЯМ КОНСТИТУЦИИ ПОЛЕЗНО ЗАГЛЯДЫВАТЬ В ПОЛЬСКУЮ ИСТОРИЮ...»: ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В ПУБЛИЦИСТИКЕ М.О. МЕНЬШИКОВА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Д.О. Тимиряев

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

Timiryayev@bsu.edu.ru

Объективное изучение воззрений представителей умеренно правоконсервативного течения отечественной общественной мысли начала XX века на национальные отношения в Российской империи только начинается в отечественной историографии. Национальная проблематика в общем, и в польский вопрос в частности, в публицистическом наследии русского мыслителя, публициста и литературного критика Михаила Осиповича Меньшикова (1859–1918) не получили должного освещения в литературе. Изучение мнений правого спектра общественной мысли в период первого кризиса империи – первой революции 1905-1907 гг. – и после неё является, по нашему мнению, актуальным направлением исследований.

Ведущей темой в польском вопросе для Михаила Осиповича было участие поляков в заседаниях первого общегосударственного представительного законодательного органа Российской империи: I (27.04. – 08.07.1906) и II (20.02 – 02.06.1907) Государственных Дум. Учреждение самого института Государственной Думы привело к возникновению для власти и общественного мнения многочисленных вопросов по поводу конструирования избирательной системы империи¹. Нужно было определить квоты для представителей народов, выделить территории избирательных округов. Часть общества в лице радикальных монархистов сомневалась в нужности этого органа власти в Российской империи.

Для Меньшикова примером неэффективности парламентской системы была работа парламента Речи Посполитой – Сейма: «Русским друзьям конституции полезно заглядывать в польскую историю, в историю парламента, похоронившего соседнюю с нами великую славянскую державу»². Публицист приводил сведения о кризисных явлениях в Сейме: «Публике мало известно, что за 112 лет (1652 – 1764) сейм собирался 55 раз; 48 из них были «сорваны», причем 18 раз – силою одного голоса. Был период, когда десять сеймов под ряд в течение 20 лет срывались и расходились ни с чем»³. Данные Меньшикова о работе Сейма являлись достоверными⁴. Вывод Михаила Осиповича был логичен: «Нечего и говорить о том, как хорошо при этом шли дела государства»⁵.

По мнению публициста, депутаты-поляки, можно сказать «по традиции», сыграли негативную роль в деятельности одной из дум. Меньшиков утверждал: «На 112 лет будто бы сеймового правления приходится около 100 лет анархии. Это полезно припомнить теперь, когда из двух наших распущенных парламентав один погиб как утверждают, стараниями польского «кола». Это коло в будущем угрожало явиться

¹ Западные окраины Российской Империи. – М., 2006. – С. 347.

² Меньшиков М.О. Великорусская партия. IV. 21 июня 1907. // Нация и империя в русской мысли начала XX века / Под ред. С.М. Сергеева. – М., 2004. – С. 21.

³ Там же.

⁴ Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II – М., 2002 – С. 74.

⁵ Меньшиков М.О. Великорусская партия. IV. 21 июня 1907. // Нация и империя в русской мысли начала XX века / Под ред. С.М. Сергеева. – М., 2004. – С. 21.

осиновым колом, забитым в гроб Русского государства»¹. По нашему мнению, можно смело снять обвинение в подрыве деятельности Думы с поляков-депутатов. Разгон двух первых дум был связан с общей оппозиционной настроенностью подавляющей части депутатского корпуса по отношению к верховной власти². Для Михаила Осиповича поляки-депутаты были крайне опасным контингентом в Думе: «Нет сомнения, именно поляки, организовавшись в русской Думе в свою крепко сплоченную группу, являются заразительным примером для других инородческих депутатов, и те в свою очередь тоже спешат обособиться в национальные фракции»³.

Для публициста допуск нерусских депутатов был реанимацией идеи о реальной или мнимой независимости в прошлом этих народов: «Допустив к имперскому законодательству представителей покоренных народностей, Россия дает им вновь политическое бытие. Она как бы отказывается от старых завоеваний, она признает национальную силу поляков, евреев, кавказцев, финляндцев, латышей и проч. – силой, влияющей на решения России»⁴. Меньшиков был радикален в своих воззрениях по поводу перспектив малых народов в империи: «Если захватили маленький народец, то или выпустите его на волю, или ассимилируйте, что вовсе не так трудно при твердой государственной политике»⁵.

Не наблюдая воплощение в жизнь идей националистической политики в конце XVIII – начало XIX вв., Меньшиков риторически вопрошал: «В самом деле, что такое миллион с небольшим финнов или два-три миллиона поляков сто лет назад?»⁶. Михаил Осипович был убежден в эффективности политики ассимиляции при условии её своевременности: «Правительство с историческим самосознанием без труда заставило бы говорить всех подданных России по-русски, и что это возможно, доказывают поразительные успехи русской школы на окраинах за какие-нибудь 20–30 лет. К глубокому несчастью, наше правительство со времен Екатерины начало терять государственный разум»⁷.

По мнению Меньшикова наихудшим примером антинационального либерализма была деятельность Александра I: «Александр I, которого трон народ русский отстоял от четырнадцати народов, – поставил покоренные племена в привилегированное положение. В то время, как коренные русские люди томились в крепостной неволе, полякам и финно-шведам была дана конституция»⁸. Публицист всё же делал оговорку, свидетельствующие о

¹ Там же.

² Западные окраины Российской Империи. – М., 2006. – С. 358, 362.

³ Меньшиков М.О. Великорусская партия. IV. 21 июня 1907. // Нация и империя в русской мысли начала XX века / Под ред. С.М. Сергеева. – М., 2004. – С. 21.

⁴ Там же. – С.22

⁵ Там же.

⁶ Там же. –С. 24.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

позитивном восприятии парламентского строя: «Правда, Александр рассчитывал впоследствии распространить и на Россию блага парламентского правления, однако не делал этого, и в истории останется чуть ли не единственный пример, где покоренным народностям были даны большие политические права, чем те, которыми пользовался сам завоеватель»¹. Причем аналогичную ситуацию Михаил Осипович видел в истории Речи Посполитой: «Нечто подобное тому можно найти разве только в польской истории, где коренное, исконно христианское население было обращено в крепостное рабство, тогда как пришлые евреи не только не были крепостными, но за одно присоединение к католицизму приобретали потомственное дворянство»².

Меньшиков видел в поляках и евреях главную причину событий 1905-1907 гг.: «Самые деятельные из разрушителей России – евреи и поляки – вовсе не скрывают своих инфекционных планов, – они громко провозглашают их»³. Публицист приводил в защиту своего мнения о засилье поляков в России цитату из польской газеты, не указывая её название и год выпуска: «Нас, поляков, миллион в России», – пишет одна польская газета, – миллион на всех службах и на разных ступенях общественной и правительственной власти»⁴. Публицисту виделся поистине грандиозный по масштабам польский мятеж: «Объединенные национальной идеей, скованные католической дисциплиной, одни поляки в состоянии устроить России «саботаж» в миллион точек одновременно»⁵. Меньшиков запугивал общество тем, что привычного и понятного повторения прошлых польских мятежей не будет: «Наученные горьким опытом, все инородцы – и прежде других поляки – не станут поднимать открытого восстания. Открытое восстание есть война, а для этого требуются армия, солдаты, ружья, пушки, крепости. Поляки теперь не поднимают бунта на своей территории. Они вносят его в самое сердце России, они проделывают бунт за счет и риск русского народа»⁶.

Первым признаком грядущей катастрофы Михаил Осипович считал подрывную деятельность поляков в Думе: «Сорвать» русский парламент, как некогда они сорвали свой собственный сейм, – было бы предприятием серьезнее бунта. Но окончательная цель их, конечно, еще крупней – сорвать Россию»⁷. Публицист в духе М.Н. Каткова рисовал тревожные картины результатов отсутствия национальной политики в империи, и засилья поляков на железнодорожном транспорте: «При «несомненном отсутствии» у русских патриотизма, при упадке национального духа в самом правительстве, при уже состоявшемся захвате поляками целых ведомств,

¹ Там же. – С. 24.

² Там же.

³ Там же. – С. 25.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

целых железнодорожных линий, целых областей, для них возможна очень крупная игра и большой выигрыш»¹. Описаниям Меншикова польской изворотливости и коварства, стоит только поражаться: «Куда бы ни проник поляк, глядишь за ним, как нитка за иглой, тянется длинный хвост родственников и знакомых, и через недолгое время все учреждение становится польским»². Засилье поляков продемонстрировала, по мнению публициста, русско-японская война 1904–1905 гг.: «Целые ведомства у нас засорены инородцами, и в степени прямо-таки опасной, как показала последняя война. Вспомните также железнодорожные забастовки и участие в них польского элемента»³. По нашему мнению, несостоятельность обвинений Меншикова очевидна. Как показала Первая Мировая война (1914–1918) польские подданные Российской империи в подавляющем большинстве оставались ей лояльны⁴.

Наличие национальных окраин, резко отличающихся по своему этноконфессиональному и социально-экономическому укладу жизни, по мнению Меншикова, представляло собой опасность для Российской империи. В качестве примера они приводил Речь Посполитую: «Вспомните, как мужественно воевала Польша с военными своими врагами и как тяжело ей обошлась пестрота государственного состава»⁵. Публицист видел причину падения этого государства в малочисленности поляков в Речи Посполитой: «Если от чего погибла Польша, то именно от инородческого вопроса. На свою гибель польские короли пригласили с одной стороны евреев, с другой — тевтонов. Присоединив с третьей Литву, Белую и Малую Русь с галицким королевством, наконец устроив у себя татарские колонии, Польша представила собою сырую грудку народностей, объединить которую не могла бы культура и посильнее польской»⁶.

По нашему мнению, Меншиков намеренно сгущал краски, описывая ситуацию в империи. Полонофобия была инструментом в битве за голоса избирателей в условиях учреждения Государственной думы. Националистические призывы становились средством мобилизации потенциального электората. К тому же, Михаил Осипович не мог предложить «позитивной» программы в решение польского вопроса. Позиция публициста можно сводилась к юридическому и политическому неравноправию нерусских народов, что нельзя, на наш взгляд, назвать разумным подходом к решению национальных проблем в полиэтничном и поликонфессиональном государстве.

¹ Там же

² Меншиков М.О. Великорусская партия. V. 23 июня 1907 // Нация и империя в русской мысли начала XX века / Под ред. С.М. Сергеева. – М., 2004. – С. 29.

³ Там же.

⁴ Западные окраины Российской Империи. – М., 2006. – С. 413.

⁵ Меншиков М.О. Великорусская партия. V. 23 июня 190 // Нация и империя в русской мысли начала XX века / Под ред. С.М. Сергеева. – М., 2004. – С. 26–27.

⁶ Там же. – С. 27.

**«THE RUSSIAN FRIENDS OF THE CONSTITUTION USEFULLY LOOK INTO
POLISH HISTORY ...»: POLISH QUESTION IN PUBLICISM M.O. MENSHIKOV
AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY**

D.O. Timiryayev
Belgorod State University

The article explores the views of M.O. Menshikov to the Polish question. The problems of the interrelationship of national issues touched upon by the publicist are discussed with the establishment of the State Duma and the events of 1905-1907. The critic's criticism of the results of government policy in the field of interethnic relations is analyzed.

Key words: M.O. Menshikov, journalism, «The Polish Question», the State Duma, national suburbs.

**КАЛУЖСКИЕ УСАДЬБЫ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА
ПО ВОСПОМИНАНИЯМ СОВРЕМЕННОКОВ**

А.Ю. Филенкова

Калужский государственный университет
имени К.Э. Циолковского
filenkova.a@yandex.ru

В последнее время довольно активное внимание уделяется истории русской усадьбы, вопросам сохранения, реставрации и возрождения усадебных комплексов по всей России. В конце XVIII – начале XIX в период расцвета усадебной жизни, на территории Калужской губернии насчитывалось более 1500 имений, многие хозяева которых были известны на всю Россию. Этот промежуток времени в истории усадебной культуры изучен достаточно широко, многое известно о владельцах имений, их быте, хозяйственной и повседневной жизни. Но уже к концу XIX века, в связи с отменой крепостного права, множество усадеб было лишено социально-экономической базы, нарастающие волнения и приближающаяся революция способствовали отъезду из России многих владельцев имений. Именно начало XX века принято считать периодом заката такого явления, как русская провинциальная усадьба.

События первой четверти XX века, в центре которых находились революционные потрясения не обошли стороной и усадьбы, находящиеся на территории Калужской земли. Напряженная ситуация в начале столетия оставила огромный отпечаток на жизни Сергея Евгеньевича Трубецкого (1890–1949) – русского философа и литератора, сына известного общественного деятеля Евгения Николаевича Трубецкого. Некоторые моменты и впечатления своей юности, проведенной в родовом имении Бегичево Медынского уезда Калужской губернии (ныне Дзержинский район Калужской области), литератор описывает в своих воспоминаниях: «Собственными глазами «аграрных беспорядков» и разгромов усадеб я не видел, но достаточно слышал о них... В нашем Бегичеве (Калужской губернии и уезда) настоящих аграрных волнений не было, но, проезжая через деревни, нельзя было не чувствовать, что отношения между господами и